



— Володя, вы теперь так редко бываете в Ленинграде, что «поймать» вас для интервью чрезвычайно трудно. Я знаю, что у вас были прочные творческие контакты с Финляндией. Но, очевидно, за последнее время ваша география гастрольных маршрутов расширена!

— Я действительно очень часто бывал в Финляндии, куда после международного конкурса меня постоянно приглашали, на гастроль. Но, в основном, с концертными программами.

Что же касается географии гастрольных маршрутов, то в этом году она действительно изменилась. В феврале-марте я участвовал в постановке «Силы судьбы» в Шотландии, пел партию Дон Карлоса. Это была премьера в Глазго — дирижер Д. Маучери, режиссер Э. Мажинский. В партии Леоноры выступила прекрасная молодая американская певица Андреа Грубер, Альваро-Стефано Алгиери. После Глазго — по 2 спектакля «Силы судьбы» спел в Ливерпуле, Эдинбурге и Нью-Кастле. Всего было 8 спектаклей. Это очень интересная труппа и спектакли имели огромный успех. Во время этих спектаклей получил приглашение в Лос-Анджелес, в США, петь «Дон Карлос» с Доминго. Там состоялось 4 спектакля, в которых я исполнил партию ди Позы на итальянском языке.

Потом была «Луиза Миллер» в Риме — я выступал в Италии первый раз после моей там стажировки. Невероятно приятное впечатление от Доминго. Удивительно обаятельный человек — «абсолютный тенор» — прекрасный голос, великолепные актерские данные. Как артист всемирно известный, Доминго имеет право выбора. И он пригласил меня на запись пластинки «Луизы Миллер» фирмы Сони. Дирижер Д. Ливайн — главный дирижер Метрополитен Оперы.

Кроме этого у меня состоялось в июне три прослушивания. Первое в Ла Скала, после чего последовало приглашение на открытие сезона 1992—1993 годов, петь ди Поза в «Дон Карлосе» с Риккардо Мутти.

Там же намечается постановка «Пуритан» Беллини и я приглашен принять в ней участие.

Затем прослушивание в Метрополитен Оперы. Решено, что в апреле будущего года там состоится мой дебют в «Луизе Миллер» с Доминго. Потом — запись на пластинку «Трубадура» (тоже фирма Сони). Я пока не подписал контракт, но мне предложили пять лет сотрудничать с фирмой Сони. Намечается запись на пластинку «Дон Карлоса» с Мутти (фирма Эми).

— Вся ваша гастрольная деятельность связана с Госконцертом!

— До недавнего времени да. Но сейчас меня представляет другая организация — совместное советско-американское предприятие.

Планы очень большие. Предстоит петь Жермона в Метрополитен Оперы, Ренато в «Бал-маскараде», в «Стифелио» Верди в новой постановке, в «Лючии ди Ламмермур» — это все планы 1991—1993 годов.

В 1992 году намечается гастрольная поездка труппы Метрополитен в Японию. Я приму участие в гастрольном спектакле «Бал-маскарад». В США заключил контракты с Чикагским оперным театром («Бал-маскарад»), в Сан-Франциско («Сила судьбы»), в Сиэтле («Севильский цирюльник», «Евгений Онегин», «Бал-маскарад»), — все начиная с 1992 г.

Заключил контракт с Венской Штатс-оперой («Севильский цирюльник» в октябре 1991 г., «Пиковая дама», «Трубадура»), в Штутгарте — «Богема».

В августе специально для прослушивания я приехал в Зальцбург — главный дирижер Зальцбургского фестиваля — предложил мне принять участие в опере Яначека «Записки из мертвого дома». Но эта работа совпадает с фестивалем Россини в Пезаро. Пока не знаю, что выбрать.

Будет «Онегин» в Цюрихе.

— С одной стороны, все это приятно и я поздравляю вас с

таким успехом за рубежом. Но как же ленинградцы, они-то будут иметь возможность вас слушать в спектаклях!

— Да, я останусь работать в Кировском театре, несмотря на обилие контрактов. Намечается у нас возобновление «Силы судьбы» и если оно состоится, я с удовольствием приму участие в этом спектакле.

— А в «Отелло»!

— Нет. Яго петь мне еще рано. Я очень благодарен В. Гергиеву за то, что он позволяет совмещать работу в театре и на Западе. Я знаю, что кому-то это не нравится. Но это необходимо, и, думаю, ни один артист не может отказаться от такого вида деятельности. В мое отсутствие худсовет увеличил мне оклад. А вообще я очень горжусь, что являюсь солистом Кировского театра. И чувствую себя его маленькой частицей, тоже делающей рекламу на Западе своему театру.

Свою годовичную норму спектаклей на сцене Кировского театра я буду выполнять обязательно.

— Не только ваши поклонники, но и ваша семья вас почти не видят. Наверное, это доставляет немало огорчений вашей жене.

— Наверное. Но вообще-то с Ольгой-педагогом по вокалу Института театра, музыки и кинематографии — нас связывает очень многое. Она не просто жена, но мой друг и помощник. Вероятно, без нее мне было бы трудно освоить такое количество новых партий в такие сроки.

В этом году на мою премьеру в Риме «Луизы Миллер» приезжала вся семья: жена, шестилетний сын, теща. Сыну так понравилась Италия, что он предложил подождать в Риме, пока я съезжу в Сиэтл и спую там «Войну и мир». Но ждать ему меня все-таки пришлось не в Риме, а в Ленинграде.

— У вас столько различных контрактов... Скажите честно, вы уже миллионер!

— Пожалуйста, мне скрывать нечего. Судите сами. За последние 6 месяцев я получил около 50 тысяч долларов. Из них 10

процентов — моему импресарио Андреа Ансонци — вице-президенту фирмы Коламбио. Для Госконцерта я вез 10 тысяч, но в Зальцбурге у меня их украли вместе с документами и записными книжками (украли чемодан). Гостиница для меня в месяц стоит примерно 3—4 тысячи долларов. Когда приехала семья в Рим, я заплатил за 25 дней гостиницы около 7 миллионов лир, что означает примерно 5,5 тыс. долларов. На питание в месяц уходит 3—3,5 тысячи долларов. На Западе все очень дорого.

— Володя, вы несколько месяцев были за рубежом. Очевидно, вы далеки от политики сейчас и плохо знаете о тех процессах, которые происходят «дома».

— Не сказал бы. Когда находишься за границей, гораздо острее воспринимаешь жизнь страны. Когда узнаешь о новых кризисах и конфликтах, становится больно до слез. Может быть потому, что в этот момент я там «один». Постоянно читаю газеты (советские газеты за рубежом купить не проблема), да и вообще, знаете, весь мир буквально живет жизнью нашей страны. Мы очень популярны на Западе. Телевидение, по-моему, говорит о нас с утра до вечера.

— И что же вы думаете, в частности, о кризисе в КПСС!

— Это горько. Ряды ее катастрофически редеют, в том числе и в нашем театре. Я пока являюсь членом партии, хотя кроме взносов никакой пользы ей не приношу, но выходить из нее не считаю верным.

Что касается нашей партийной организации, то мне кажется, ей не место в театре. Театр — творческий коллектив и все здесь должно быть подчинено творческому процессу. Когда зритель смотрит на сцену, ему безразлично, к какой партии принадлежит певец... Главное — он должен хорошо петь, создавать яркий образ. Это — главное. В этом наша профессия.

Партийная организация не оказывает влияния на творческий процесс и по-моему честнее уйти

коммунистам на учет в организации по месту жительства. Но вообще, если от меня что-то понадобится партии, я не посчитаюсь со временем и трудом. Хотя со временем, как вы понимаете, сложно...

— Вы следите за новыми работами нашего театра!

— Да, конечно. Редкое впечатление на меня произвел «Борис» Тарковского. Это большой праздник. Я слушал спектакль 3 сентября на открытии сезона, а 4 сентября пел Щелкалова. Мне кажется, «Борис» займет место в ряду лучших оперных постановок мира. Я верю в яркое обновление репертуара нашего театра.

— А какое ваше выступление, в этом году принесло вам наибольшее удовлетворение!

— По моему ощущению наиболее полный успех был в Шотландии в «Силе судьбы». А вот работа над «Дон Карлосом» в Лос-Анджелесе мне не кажется очень удачной, хотя отзывы были неплохие. Более яркой была «Луиза Миллер» (отец Миллер).

И, конечно, по-прежнему люблю Фигаро. Готовится в Ковент Гардене новая постановка «Севильского», в которой я приму участие.

— А вообще каждая новая работа — творческий стимул, шаг к совершенствованию. Я счастлив, что у меня есть такая возможность.

Беседу вел
И. БОЯРИНОВА

4 XII 90

401 Чернов В.